

Н.В. Иванов, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО (У) – МИД России; e-mail: e-nickma@mail.ru

ПЯТЬ АСПЕКТОВ ПРИРОДЫ ПЕРЕВОДА

В статье перевод рассматривается как комплексное многоаспектное явление. Автор выделяет пять аспектов природы перевода, трактуя его как структурно-языковую, культурную, семиотическую, смысловую (когнитивную) и коммуникативно-прагматическую реальность. В каждом из аспектов устанавливается то, что отличает перевод от обычной речевой работы языкового знака. Изучение перевода должно быть комплексным с учётом всех аспектов его природы. Все факторы перевода, с одной стороны, взаимосвязаны, с другой, противостоят друг другу. Структурно-языковые и культурные факторы трактуются как основание различий в переводе, смысловые и коммуникативно-прагматические факторы – как основание достижения переводческого тождества. Комплексный подход требует дополнить статический узко сопоставительный текстовый анализ перевода его динамическим рассмотрением как семиотического явления в процессе его становления в речи. Методология динамического рассмотрения опирается на диалектику философских категорий тождеств и различий, покоя и движения (изменения). Содержательную сторону перевода образует оппозиция референции и смысла. На основе данной оппозиции раскрывается интерпретационная сущность перевода. В подтверждение высказываемых теоретических положений автор приводит и анализирует ряд характерных переводческих примеров и области англо-русского и португальско-русского перевода. Статья может быть интересна специалистам в области как общей, так и частной теории перевода.

Ключевые слова: перевод, языковой знак, речевой знак, семиозис перевода, референция, смысл, интерпретация, трансформация.

Nikolai V. Ivanov, Dr. Sc. (Philology), Full Professor of Linguistics, Head of the Department of Romance Languages at Moscow State University of International Relations (MGIMO), Russia; e-mail: e-nickma@mail.ru

FIVE ASPECTS OF TRANSLATION

The article presents a view on translation as a complex and multidimensional phenomenon. Five aspects of the nature of translation are highlighted in regard to the lingual structure, culture, semiotics, sense (cognition) and communicative pragmatics. These aspects constitute different features of translation reality. Dealing with every aspect of translation, the article discriminates between translation and the usual behavior of a language sign in speech. Translation must be studied as a whole while taking into consideration all the aspects of its nature. The abovementioned aspects of translation, on the one hand, are interconnected, but, on the other hand, are opposed to each other. The language-related and cultural factors account for differences in translation, as the sense and communicative pragmatics represent the basis for achieving translation identity. The integrative approach to translation demands enhancing a static comparative text analysis with a dynamic view

of translation as a semiotic phenomenon in the process of its development in speech. Methodologically, a dynamic view rests on the dialectics of philosophical categories of identity and difference, immobility (rest) and mobility (change). The contentive side of translation is formed by the opposition of sense and reference. This opposition accounts for the interpretative nature of translation. To prove the theoretical views, the article presents an analysis of English-to-Russian and Portuguese-to-Russian translation examples. The article may be useful to all those interested in general and specialized translation.

Key words: translation, sign in language, sign in speech, semiosis of translation, reference, sense, interpretation, transformation.

Перевод — объект комплексной, множественной природы. Его можно изучать с различных точек зрения. Мы выделяем в нем по меньшей мере пять онтологических измерений, в каждом из которых нам открывается соответствующая реальность, которой принадлежит перевод. В комплексном понимании перевод реализуется как 1) языковая, 2) культурная, 3) семиотическая (знаковая), 4) содержательная смысловая (когнитивная) и 5) коммуникативная реальность. Все вместе они представляют собой аспекты природы перевода.

Масштаб рассмотрения перевода может быть различным. Исследователь в своём подходе может объединять несколько аспектов, пытаясь выяснить их взаимосвязь, или наоборот ограничиваться лишь одним аспектом на уровне формального анализа примеров. Борьбу мнений о том, что такое перевод, можно видеть в «Толковом переводоведческом словаре» Л.Л. Нелюбина, в котором приводится 32 определения перевода как научного объекта. Из этого списка: 13 определений обращены к языковому аспекту перевода, т.е. трактуют перевод в терминах межъязыкового преобразования, 8 характеризуют перевод как коммуникативное явление, в 6 в качестве центрального фактора берётся критерий смыслового соответствия, 5 определений можно назвать комплексными, в которых обычно делается попытка объединить языковую и коммуникативную или языковую и смысловую трактовки перевода (с привлечением или без привлечения культурного фактора) [Нелюбин, 2009: 137—140].

Как и в любом другом научном объекте, в переводе важно выделять имманентную и вариативную стороны. В противопоставлении этих двух начал, как мы попытаемся показать ниже, перевод практически по всем позициям противостоит языку: имманентное с лингвистических позиций в языковом знаке становится вариативным в переводе. И наоборот: вариативное в языке получает статус имманентного, инвариантного в переводе. Чтобы понять причины такого онтологического «переворота», рассмотрим каждый из аспектов перевода в отдельности, выделив то главное, что отличает перевод от явлений, наблюдаемых нами в жизни языка.

1. Структурно-языковые факторы в переводе

Перевод создаётся не похожестью, а различием языков. Именно в различиях языков мы усматриваем саму необходимость перевода, его устойчивую основу. Поиск похожего в непохожем — так можно было бы назвать технологию работы переводчика с точки зрения структурных принципов языка.

Структурные расхождения между языками весьма многочисленны. В выразительной работе ИЯ и ПЯ эти расхождения представлены семантикой и грамматикой обозначений, т.е. тем ресурсом языка, которым ближайшим образом в масштабе предложения создаётся так называемая «языковая картина мира». Практически все такого рода расхождения подлежат выразительной нейтрализации. Технически этот вопрос решается через применение так называемых переводческих трансформаций.

Нейтрализация системных расхождений носит безвариантный характер, решается единственно возможным способом. Такое возникает в случае категориальных различий, модальных, временных или залоговых несовпадений между языками. Напр.: *Иную позицию заняли Франция и Германия*¹. Перевод этой фразы на английский язык потребует смены активного залога на пассивный (иначе невозможно сохранить ту же смысловую направленность высказывания): *Another stand was taken by France and Germany*. В переводе на португальский смены залога не потребуются: *Outra atitude assumiram a França e a Alemanha*.

Нейтрализация тех расхождений, в которых обнаруживается нормативная специфика языка, понимается скорее как вариативная. Сюда мы относим те случаи, когда формально аналогичный выразительный или семантический ресурс в ПЯ присутствует, но в данном случае он неприменим. Напр. (порт.): (1) *Sendo a China conhecida como um país que utiliza fortes técnicas de ciberespionagem, os membros da delegação britânica* (2) *foram avisados para...* При переводе этого отрезка с португальского на русский язык лучше заменить деепричастный оборот (1) на придаточное причины; кроме того, во второй части перевода лучше заменить пассивный залог (2) на активный. Перевод: (1) *Поскольку Китай известен как страна, где применяются мощные средства электронного шпионажа, членов британской делегации* (2) *предупредили, что...* Вряд ли будет хорошо звучать перевод с сохранением деепричастного оборота (*Будучи Китай известен как страна, где...**).

¹ Пример из: [Бреус, 1998: 23].

Нормативная специфика обнаруживает себя также в сфере лексической сочетаемости. Напр. (англ.): *Fifty years ago, Aldo Leopold's (1) ecological testament... was published. It was (2) a posthumous book, appearing a year and a half after Mr. Leopold died of a heart attack in 1948...* Перевод: 50 лет назад было опубликовано (1) научное завещание (выдающегося американского) эколога Альдо Леопольда. Книга... вышла в свет (2) через полтора года после смерти автора, который скончался в 1948 году от сердечного приступа... Сочетаемостная норма русского языка вряд ли допускает такие сочетания, как экологическое завещание* или посмертная книга*. Переводчик вынужден применить соответствующие трансформации, чтобы не нарушить норму русского языка: (1) научное завещание... эколога; (2) книга вышла в свет после смерти автора. За этим стоит более широкий семантический узус английского языка.

Ещё один пример, где языки сталкиваются как на системном, так и на нормативном уровнях, обнаруживая сочетаемостные и грамматические несовпадения: (англ.) *Violins that (1) were owned and played by Yehudi Menuhin (2) fetched more than \$1.34 million at an auction at Sotheby's in London.* Перевод: Скрипки, (1) которыми владел и на которых играл Иегуди Менухин (2) были проданы на аукционе Сотби в Лондоне за 1,34 млн долларов. В одном случае (1) здесь требуется смена залога и разделение падежей, что связано с системными требованиями ПЯ (нельзя сказать: *Скрипки, которые владелись и игрались Иегуди Менухиным**). В другом случае (2) также происходит смена залога, но уже в связи с нормативными требованиями русского языка. По-русски плохо звучит: *Скрипки (на аукционе) заработали** (выручили*, принесли*).

Итак, структурные расхождения между ИЯ и ПЯ, представленные в плане выражения переводческими трансформациями, — это самая первая лежащая на поверхности реальность перевода. Обращая внимание на структурно-языковые различия, теория перевода на начальном этапе своего развития именно в них пыталась увидеть устойчивые признаки перевода, обеспечивающие закономерный характер перехода от ИЯ к ПЯ. Впрочем, любое объяснение на базе одних лишь различий в конечном счёте грешит формализмом. Голые различительные констатации неспособны объяснить перевод.

На структурной основе сближение языков в переводе невозможно. «Насильственное сближение», которое мы отмечаем в так называемом «буквальном» переводе, заканчивается межъязыковой интерференцией — явлением, принципиально чуждым переводу.

Не забудем, что за всеми этими различиями стоит тождество смыслового развития мысли, которое является высшим критерием содержательного соответствия в переводе, определяющим выбор

переводного эквивалента. Именно тождество (а не следующее за тождеством различие) подлежит объяснению и интерпретации в переводе.

II. Феномен культуры в переводе

Языковая реальность – это лишь внешняя сторона перевода. За структурной реальностью, на более глубоком уровне и в ином масштабе рассмотрения, открывается *культурная реальность перевода*. Перевод – это связь, взаимодействие культур.

С подключением к структурно-языковым различиям культурного фактора количество межъязыковых расхождений, несоответствий в переводе увеличивается на порядок. Каждая культура – это особый мир со своими смыслами и своими формами. Каждая культура в своём особенном статусе самодостаточна. Перевод сближает культуры, выводит их из внутренней самоизоляции, открывает одну культуру глаза на другую культуру.

Говоря о культурной специфике языка, мы имеем в виду два её аспекта: с одной стороны, это так называемая языковая картина мира (создаваемая семантическими и грамматическими механизмами отображения реальности), с другой, это сопутствующая языковому выражению культурная окраска. Языковая картина мира – это фактуальная сторона культуры, её характерными представителями являются обозначения реалий, идиоматически связанные выражения, образные и экспрессивные номинации. Другой аспект может быть назван виртуальной стороной культуры. Это – смысловая нагрузка, которая представлена такими коннотациями как стиль, социальная окраска, культурные аллюзии. В масштабе целостного речевого построения важно учитывать также критерии жанровой формы текста, предписывающей определённый порядок развёртывания содержания (напр., форма заявления или форма письма с характерными для них оборотами речи).

В каждом из аспектов культурная реальность языка раскрывает себя *отрицательно*. Мы не осознаем реальность культуры, пока нет виртуально и реально представляемой альтернативы данному языковому выражению. *Хата, валенки, шуба, степь* становятся реалиями не сами по себе, но лишь тогда, когда мы смотрим на них глазами другого языка, другой культуры. Собственно, именно такая внешняя культурно-языковая альтернатива и возникает в переводе.

Относительно строгие очертания эквивалентности, которые мы отмечаем на уровне структурного соотнесения языков в переводе, практически исчезают на уровне их соотнесения в масштабе культуры, т.е. там, где та или иная подлежащая переводу единица ИЯ

осмысливается как культурный феномен с присущими ей коннотациями, окрасками и ассоциациями. Увеличивается глубина переводческой трансформации. Усиливается противостояние между смыслом и референцией. Смысловая дисциплина перевода сопровождается трудно поддающейся контролю референциальной «анархией». При этом возрастает интерпретационная нагрузка перевода, которая стремится к своему максимуму. Понимание культурой культуры возможно не иначе как через интерпретацию.

Рассмотрим на примерах, как раскрывается в переводе смысловая нагрузка реалий, образных и идиоматических выражений при отсутствии семантических совпадений между ИЯ и ПЯ.

(порт.): ...*Cavaco Silva vai anunciar a sua recandidatura a Belém no dia 26. Перевод: Каваку SILVA объявит о выдвижении своей кандидатуры на второй президентский срок 26 числа. Соотносительными элементами здесь являются «Belém» и «второй президентский срок». «Belém» – это название президентского дворца в Лиссабоне. Часто это слово используется как метонимическое обозначение высшей руководящей должности в Португалии (как в русском – *Кремль*, в США – *Белый дом*). Говорить о том, что президент, вынося свою кандидатуру на выборы, претендует на проживание в президентском дворце, по-русски невозможно: метонимический образный перенос от «места резиденции» к высшей государственной должности не возникает. Понятно, речь идёт о выдвижении действующего главы государства на второй срок.*

(англ.) (1a) *Across the political aisle from the President and* (1b) *Pelosi, Republican speaker J. Boehner and House Majority Leader K. McCarthy... swung behind the* (2) *plan. Перевод: (1) Противники президента² и (1b) его сторонников от демократического меньшинства в палате представителей спикер палаты республиканец Дж. Бонер и лидер республиканского большинства К. МакКарти... поддержали (2) предлагаемый президентом план (действий по Сирии).*

В этом примере элемент *aisle* – характерный образ, обозначающий политическое разделение в парламенте, что в данном контексте можно считать реалией. *Across the political aisle* дословно означает: *по другую сторону прохода между рядами*^{*}. По смыслу это значит: *оппозиция (сидящие в другой стороне зала)*. Имеется в виду: *оппозиция президенту Обаме и демократам в палате представителей*. Личное имя *Pelosi* – тоже образное обозначение, которое несёт на себе отпечаток разговорного стиля. Перевести: «*противники президента и Пелоси**», вряд ли будет приемлемо по стилю: речь не идёт о личном соперничестве. Да и для полноты понимания просто требуется

² Имеется в виду президент Обама.

знать: кто такая *Пелоси*. Она – лидер демократического меньшинства в палате представителей. Термин *plan* также требует интерпретации: это – *предлагаемый демократами план действий по Сирии*. Переводчик вскрывает все эти скрытые за разговорной окраской образных обозначений детали описываемой ситуации.

Вообще, культурные реалии могут иметь достаточно сложную внутреннюю нарративную семантику, скрываемую за ёмким по смыслу образным обозначением. Напр.: (англ.) *baby-kisser* – политик, заигрывающий с избирателями (досл., «целующий детей»; зарабатывающий популярность на показном чадолубии): *Trump is a businessman, and that's what America needs instead of another baby-kisser*. **Перевод:** *Трамп – бизнесмен, именно такой человек сейчас нужен Америке, а не политик, зарабатывающий популярность, целуя чужих деток на митингах с избирателями*.

Интересны случаи окказиональной образности, когда повторить буквально семантику образа невозможно по стилистическим соображениям. Напр.: (англ.) *Russian President V. Putin believes success of his presidency (1) lies beyond Russian borders. Putin visited almost a (2) dozen countries since he was elected president and next month he will probably (3) put a North Korea sticker on his briefcase*. **Перевод:** *Президент России Владимир Путин, видимо, считает, что наибольшего успеха ему суждено добиться (1) в области внешней политики. С момента избрания на пост президента он уже посетил более (2) десятка стран, и в следующем месяце (3) список этих стран, видимо, пополнит Северная Корея*. Соотносительные эквиваленты ПТ и ИТ обозначены цифрами. Буквальный перевод семантики элементов (1), (2), (3) не подходит по культурно-стилистическим причинам. Буквально повторяющие семантику образных элементов эквиваленты не раскрывают исходной смысловой нагрузки и не адекватны русскоязычному восприятию (ср.: *success... lies beyond Russian borders* – (его) успех лежит за пределами границ России*; *put a North Korea sticker on his briefcase* – приклеит северокорейский стикер на свой дорожный чемоданчик*).

На уровне понимания перевода как формы культурного контакта, – а такое понимание всегда возникает там, где обостряется взаимное культурное неприятие языков, – мы видим усиление «борьбы» ПЯ с «навязываемой» ему со стороны ИЯ интерференцией. ПЯ «защищается», демонстрируя с большей или меньшей гибкостью свои резистентные выразительные ресурсы. В приведённых выше примерах выбранные эквиваленты ПЯ скорее интерпретируют, чем идентифицируют культурно-маркированные элементы оригинального текста. Мы больше видим в них поиск

некоторого смыслового компромисса, опыт культурно-смысловой адаптации, чем прямую попытку воспроизвести элемент чужой культуры с присущей ему семантикой и окраской.

Надо сказать, что не всегда ПЯ справляется с задачей культурной «самозащиты» в процессе перевода, «пропуская» отдельные факты из языковой культуры ИЯ в свою культурную реальность. На этой основе возникают различного рода культурные заимствования в виде кальки (Белый дом (от ам. англ. White House), госсекретарь (от ам. англ. Secretary of State), нравственность (от нем. Sittlichkeit)) или в виде прямых лексических заимствований путём транскрипции или транслитерации (perestroika, glasnost, samovar). Культурная «самозащита» языка не может носить тотального характера. Перевод бывает просто нецелесообразен там, где требуется представить характерные культурные номинации другого языка (напр., названия газет: *Нью-Йорк Таймс*, *Pravda*, *Izvestia*).

III. Перевод как семиотическая реальность

Феномен, который более всего удивляет и вместе с тем привлекает нас в переводе, это – *субституция*. Субституция – семиотический феномен. В переводе мы имеем замену знака/знаков одного языка знаком/знаками другого языка. Субституция характерна не только для перевода. В обычной речевой номинации также нетрудно разглядеть признаки аналогичной семиотической операции. Применительно к феноменам речевой номинации принято говорить о функции знакового замещения, т.е. о субституции реального подлежащего восприятию объекта языковым знаком.

Всякая субституция имеет две стороны – условную и безусловную. За условной стороной стоит различие замещающего и замещаемого, за безусловной – то, что составляет их тождество. Первая – материальная сторона субституции, вторая – её идеальная, содержательная сторона. Имея в виду материальный аспект субституции, мы говорим об эквивалентности перевода³. Содержательный аспект характеризует степень адекватности перевода (как и вообще любого знакового замещения). Эквивалентность – акцидентальная сторона перевода. Адекватность (содержательное соответствие) – его необходимая сторона. Эквивалентность в широком её понимании вариативна, допускает множественность вариантов перевода. Адекватность – единственна. «Во всей полноте

³ Мы определяем эквивалентность как «...условно принимаемое как достаточное в заданных коммуникативных условиях структурное соответствие между ПТ и ИТ или между отдельными составляющими два текста единицами» [Полубоярова, 2009: 75].

содержательного наполнения адекватность ведёт нас к инварианту перевода» [Полубоярова, 2009: 48].

Следует иметь в виду, что семиотическая замена в переводе (замена знака ИТ знаком ПТ) носит тотальный и иерархический характер и раскрывается на всех уровнях текста. Нельзя ограничиваться только языковым уровнем рассмотрения перевода, хотя именно этот уровень нас интересует больше всего, поскольку именно он лежит в основе перевода.

На каждом из уровней текста действуют собственные критерии субституции. Для высших уровней (высказывание и текст) характерен принципиальный *изоморфизм*, т.е. принципиальное внешнее формальное подобие знака замещающего знаку замещаемому: композиция ПТ отвечает композиции ИТ, порядок линейного развёртывания ПТ отвечает порядку линейного развёртывания ИТ в целом и в каждой своей части. Трансляция формы – необходимое условие перевода в масштабе общей композиции текста и в масштабе порядка его линейного развёртывания (т.е. поэтической и риторической форм текста). Формальное подобие становится условием содержательной и функциональной адекватности переводного текста исходному.

На уровне языковой формы текста (на уровне семантики и грамматики отдельных обозначений) действует принцип гомоморфизма⁴. Под этим понимается ситуация, когда друг другу уподобляются, т.е. признаются эквивалентными и функционально равными друг другу, различные по своей семантике и/или грамматике элементы ПЯ и ИЯ в соотносимых исходном и переводном текстах. Гомоморфная эквивалентность – исключительно условный, контекстуальный переводческий феномен. При чисто внешнем, формальном взгляде на перевод нас иногда удивляет эквивалентная соотнесённость знаков ПЯ и ИЯ с различными структурными параметрами, знаков различной семантической и грамматической природы. В объёме применяемых трансформаций переводчик изменяет модель описания мира. Возникает впечатление, будто он обозначает другие объекты, описывает другую реальность, сохраняя при этом необходимое смысловое соответствие между ПТ и ИТ. Рассмотрим примеры:

(исп.): (1) *La OTAN señala, ...que los cazas aliados (2) han realizado 100 intercepciones de aviones rusos en lo que va de año, três veces más que en el 2013. También es cierto que (3) la presencia de aviones de la Alianza en estas regiones es mayor de la habitual.* Перевод: (1) *Командование*

⁴ Изоморфный и гомоморфный типы эквивалентности выделяет М.В. Полубоярова. Первый относится к высшим текстовым структурам. Второй – к низшим формам в тексте: к слову и высказыванию [там же: 116–117].

НАТО отмечает, ...что менее чем за год истребители альянса (2) 100 раз поднимались в воздух для перехвата российских самолётов, что в три раза больше, чем в 2013 году. Очевидно, что (3) активность самолётов альянса в регионе выше обычного.

В данном примере – ситуация эквивалентной замены одних обозначений другими, отличающимися по семантике и по референции, но более подходящими по смыслу. *La OTAN señala* (досл.: *НАТО отмечает**) переводится как Командование НАТО отмечает. *Han realizado 100 intercepciones* (досл.: *осуществили 100 перехватов**) переводится как 100 раз поднимались в воздух для перехвата. Понятно, что никто не осуществлял реальный перехват самолётов: истребители лишь *имитировали* перехват. Наконец, третий эквивалент: *lapresencia* (досл.: *присутствие**) переводится по смыслу как активность. Термин *присутствие* не несёт требуемой смысловой нагрузки. Самолёты здесь не меняли места своей дислокации, они продолжают пребывать на аэродромах постоянного базирования. Меняется количество вылетов, т.е. их боевая *активность*.

(англ.): (1) Specific measures (2) for effective national and collective action against terrorism resulting from initiatives taken in different international for a were supported by all NATO governments. Перевод: Все члены НАТО поддержали (1) необходимость принятия особых мер (2) по консолидации национальных и международных усилий в борьбе с терроризмом на основе документов и инициатив, принимаемых на различных международных форумах.

В этом примере, как и в предыдущих, эквивалентная замена затрагивает не просто семантику, но референцию знака: *specific measures* (*особые меры*) переводится как необходимость принятия особых мер; *action* (*действия*) переводится как усилия. Между референтами очевидна логическая ситуационная связь: любые действия требуют усилий. По-русски можно сказать: *коллективные действия*, но плохо звучит: *национальные действия**. Переводчик собирает однородные определения одним словом: усилия.

(англ.): *In a surprisingly emotional response to Valerie Trierweiler's best-selling memoirs, ...Mr. Hollande said her allegation that he referred to poor people as "the toothless" had caused him great anguish.* (1) The heartfelt comments come as the desperately-unpopular president struggles to regain public trust. Перевод: В своём весьма эмоциональном ответе на ставшую бестселлером книгу Валери Тревельер... Ф. Олланд говорит, что её слова о том, что он якобы называл бедных «беззубыми», глубоко ранят его. (1) Воспоминания Валери вышли как раз в тот момент, когда стремительно теряющий популярность президент делает всё, чтобы вновь завоевать доверие французов.

В этом примере интересен перевод элемента (1) *the heartfelt comments* (досл.: *прочувственный комментарий/ответ*). Речь идёт о комментарии, который даёт Олланд на воспоминания своей бывшей подруги. Однако с точки зрения логики описания по-русски плохо звучит: *он даёт свой комментарий, когда он теряет популярность**. Поэтому переводчик меняет обозначаемый объект, называя вместо следствия (*комментарий*) причину: *воспоминания Валери*. Такую субституцию можно назвать радикальной, поскольку она затрагивает референцию.

Обратим внимание на качество той семиотической замены, которая происходит в переводе. Переводчик ориентирован не на структурный, а на феноменологический аспект работы знака. Адекватной замене подлежит не знак метафизический (языковой), а *знак феноменологический – речевой*, т.е. знак во всей полноте его смыслового наполнения и смысловой обусловленности в речевом узусе. Феноменология знака раскрывается в контексте высказывания, в процессе его смысловой и референциальной актуализации в речи. Именно смысловая феноменология знака становится началом осуществления перевода – как нечто неизменное и подлежащее воспроизведению в ПТ. Напротив, структурная сторона работы знака (в объёме заданных в нем языковых параметров предметного обозначения) вариативна и подлежит изменению в переводе.

Решающим критерием субституции в обычном речевом обозначающем знаке является референция, которая отражает фактуальность отображаемого объекта и является основанием содержательной реальности самого знака. Решающим основанием субституции в переводном знаке (в условиях межзнаковой замены) является смысл. В обычном обозначающем речевом знаке мы имеем потенциальную вариативность смысла при принципиальной инвариантности референции (которая как раз подлежит осмыслению и переосмыслению в аспекте восприятия знака адресатом). В переводном знаке, в условиях межзнаковой субституции, качеством инвариантности обладает смысл, вариативна референция.

Обычный речевой семиозис и *семиозис перевода* развиваются по-разному. Актуализация языкового знака движется от структурной метафизики знака к его смысловой акциденции в речи. Актуализация знака в переводе движется от смысла к форме. Структурная метафизика знака оказывается акцидентальной стороной в переводе. «Метафизическая сторона знака в переводе носит подчинённый характер, мы меняем любые предметные обозначения, сохраняя смысл» [Иванов, 2015: 40].

Перевод осуществляется от феноменологического знака к феноменологическому, от вершины к вершине речевого семиозиса.

Однако вербальная репрезентация смысла проходит через языковой знак, через семантику и структурную работу знака. У каждого языка свой бесконечно специфический путь к вершине речевого семиозиса. Очень часто, анализируя переводческие трансформации, мы обращаем внимание не на общую (безусловную), а на различительную (условную) сторону соотносительных элементов ПТ и ИТ, забывая при этом, что само межъязыковое семантическое и структурное расхождение, которое мы отмечаем внутри трансформации и по которому мы оцениваем её глубину и масштаб, служит одной цели – достижению смыслового тождества.

Условная сторона перевода всегда подчинена безусловной. Переводческая трансформация (как крайний случай эквивалентности) положительно мотивирована заданным смысловым тождеством, которое должно быть соблюдено в условиях эквивалентной замены элемента ИЯ элементом ПЯ при переходе от ИТ к ПТ. Отрицательно она мотивирована системными, нормативными и лингвокультурными расхождениями между языками – когда при видимом соблюдении внешнего структурного или семантического подобия мы рискуем нарушить критерий смыслового тождества, отклониться от требований адекватности.

Требуется рассмотреть, как соотносятся необходимое и случайное, безусловное и условное в переводе на смысловом уровне, почему и как смысл управляет работой феноменологического знака в переводе.

IV. Смысловая динамика перевода

Смысл – интерпретационная составляющая знака. Смысл всегда что-то интерпретирует, расширяя понимание. Всякое понимание, осуществляемое в знаке, имеет два аспекта: идентификацию и интерпретацию [Иванов, 2014: 114]. С одной стороны, мы должны идентифицировать обозначаемую реальность. С другой стороны, мы должны понять её ситуационные связи, возможное дальнейшее развитие, определить посредством слова её тематический статус, контекстную функцию, коммуникативное предназначение, – одним словом, мы должны осмыслить реальность путём её интерпретации. И тому, и другому служит языковой знак, обладающий значением.

Значение в речевом узусе бифункционально: с одной стороны, оно выполняет свою сущностную функцию предметного идентификатора в аспекте референции к объекту; с другой стороны, оно же является носителем смысла – интерпретатором обозначаемого объекта. Этими содержательными функциями значения вполне охва-

тывается пространство семиозиса. Две функции значения связаны неразрывно: в предметном аспекте значения смысл осуществляется, в смысловом аспекте значения предмет получает осмысление. Смысл и предмет не могут *быть* друг без друга. Оба они – необходимые условия бытия друг друга, взаимного осуществления. Значение – своеобразный медиатор, функциональный проводник: от смысла к референции (к объекту) и от референции к смыслу.

Интерпретация органична знаку. И столь же органична она переводу. «Герменевтический поворот» в современном переводоведении – свершившийся факт. Как в специальном, так и в философском подходе к переводу принято отмечать его герменевтическую природу [Мишкур, 2013: 69]. Х.-Г. Гадамер приравнивает герменевтику (интерпретацию) и перевод: «ситуация переводчика, по сути дела, совпадает с ситуацией интерпретатора... Всякий переводчик – интерпретатор» [Гадамер 1988: 450]. При этом он называет перевод «предельным случаем» герменевтики [Гадамер 1988: 448]: «...всякий перевод уже является истолкованием; можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования» [Гадамер, 1988: 447]. Р. Палмер, следуя Гадамеру, называет перевод сердцем герменевтики. Исследователь перевода Э.Н. Мишкур, перефразируя Палмера, характеризует герменевтику как «самое сердце перевода» [Мишкур, 2013: 74]. Впрочем, заметим, эти две формулы не равносильны друг другу. Необходимость перевода для герменевтики далеко не то же самое, что необходимость герменевтики для перевода. Не всякий интерпретатор – переводчик, но всякий переводчик – интерпретатор. На это обращает внимание У. Эко («Интерпретировать не значит переводить» [Эко, 2006: 270]). Соглашаясь в принципиальном плане с Э.Н. Мишкуровым, отметим ряд существенных моментов, характеризующих интерпретацию в переводе.

Многие распространённые сегодня трактовки феномена интерпретации можно назвать односторонними, что в целом препятствует полноценному применению критерия интерпретации при анализе перевода. Интерпретация трактуется в терминах смысловой инаковости: нечто является самим собой, но вместе с тем оно же является другим, открывая в себе некий смысл, получая в нем содержательное продолжение и развитие. Путь интерпретации раскрывается от значения к смыслу. При этом не учитывается обратное отношение: от смысла к значению и к референции.

Учитывая функциональную двойственность значения в его речевом применении, интерпретацию в знаке можно рассматривать как относительный процесс, который развивается от одной функции к другой: либо от референции к смыслу, либо от смысла к референции. И там, и там содержательное развитие строится от устойчивого

момента к переменному, от интерпретируемого к интерпретирующему. В одном случае, идентифицирующая объект предметная семантика полагается как данность, которая получает содержательное расширение и развитие в смысловом аспекте. В другом, наоборот, смысл берётся как данность: дальнейшее варьирование происходит в возможном способе предметной репрезентации смысла, т.е. в референциальном аспекте значения.

Таким образом, по критерию направленности выделяются два вида интерпретации: прямая и обратная. Первая строится от референции к смыслу. Вторая — от смысла к референции. Первый вид интерпретации можно видеть во всяком диалоге. Предъявляемый говорящим знак открыт собеседнику в своём смысловом аспекте. Собеседник может осмыслить и переосмыслить содержание знака. Говорящий в этом отношении зависит от слушающего — от того, как тот поймёт его речь. Как таковая, интерпретация в диалоге до какого-то момента остаётся тайной. Она открывается нам прямо или косвенно в ответной реплике диалога, в коммуникативной реакции собеседника. Интерпретация — важнейшая фаза понимания — лежит в основе ответной речевой реакции собеседника⁵.

Второй вид интерпретации находит повсеместное применение в переводе. Перевод принято характеризовать как *перевыражение* [Виноградов, 2006: 34]. Перифрастическая функция является основополагающей для перевода [Гарбовский, 2007: 8, 356–357]. Переходя от ИЯ к ПЯ, переводчик подыскивает другие оптимальные знаковые носители того же смысла, другие обозначения (видя, что путём прямой межъязыковой структурно-семантической аналогии, т.е. путём буквального копирования, невозможно добиться сохранения смысла). За семантической вариативностью знака/знаков в переводе стоит его/их референциальная вариативность.

Различные референции элементов ИЯ и ПЯ, различные объекты, обозначаемые этими элементами, связываются функцией смыслового тождества. Два референциальных носителя смысла (ИЯ и ПЯ) как бы «конкурируют» друг с другом в сознании переводчика за право смыслового первенства (избегая при этом смыслового конфликта). Какой из них ближе, органичнее смыслу? Тот, который впервые породил данный смысл? Или тот, который стал его перевоплощением в аспекте ПЯ? Большинство переводоведов решает этот вопрос не в пользу оригинального, а в пользу производного знака. «Всякий перевод, всерьёз относящийся к своей задаче, яснее

⁵ Е.В. Сидоров характеризует элементы организации текста в их внутренней иерархии как «знаковую программу управления интерпретацией и пониманием текста реципиентом». Коммуникативная задача высказывания — «управление интерпретацией текста реципиентом» [Сидоров, 2011: 36].

и примитивнее оригинала» [Гадамер, 1988: 449]. Переводческая интерпретация заключается в более ясной и направленной вербализации смысла. Перевод обнажает смысл.

Имея в виду отношение семантики и смысла (обозначаемого и подразумеваемого) в переводе, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне в своей знаменитой книге 1958 г. предложили термин *эксплицитация*. Авторы термина понимали под этим эксплицитное выражение в ПТ того, что в ИТ мыслится лишь имплицитно: «...стилистический приём перевода, который заключается в эксплицитной подаче в ПЯ того, что остаётся имплицитным в ИЯ, но что с очевидностью вытекает из контекста или из ситуации» [Vinay, Darbelnet, 1995: 8]. В качестве контрприёма авторами предлагался также термин *имплицитация* (операция, обратная предыдущей). В последующем эксплицитацию стали трактовать как некую содержательную избыточность перевода в сравнении с оригинальным текстом. Феномен эксплицитации стал объектом корпусных переводоведческих исследований.

Мы видим причину референциальных (и, соответственно, семантических) различий между ПТ и ИТ в стремлении переводчика избежать интерпретационного конфликта между референцией и смыслом, т.е. избежать той ситуации, когда выбираемое переводчиком в ПЯ обозначение не выражает или не вполне выражает требуемый смысл, когда референциальный носитель не оправдывает *смысловых ожиданий*.

Термин «смысловое ожидание» здесь передаёт феноменологическую функцию смысла в его контекстуальной обусловленности. Для понимания важно *упреждающее* качество смысла. Смысл подготавливает *дальнейшее* развитие содержания в контексте, сигнализирует о таком развитии. Понятия смысла и дальнейшего контекстного развития в таком ракурсе их рассмотрения синонимичны⁶. Подбираемый эквивалент должен максимально отразить контекстную функцию соотносительного с ним элемента ИТ, т.е. соответствовать ему по смыслу, по мыслимой перспективе контекстного развития. В.А. Иовенко, предельно широко трактуя функцию интерпретации в переводе, называет ситуацию семантической дифференциации эквивалентных друг другу по смыслу значений ИЯ и ПЯ «семантическим диссонансом», видя основную причину этого явления в переводе в особенностях языкового национально-культурного мировидения [Иовенко 2013: 54–55].

⁶ А.А. Потебня, исследуя речевую феноменологию слова, разграничивает ближайшее и *дальнейшее* значения слова. Ближайшее значение он называет формальным, дальнейшее — «личным», ситуационным [см.: Потебня, 1958: 19–20]. Дальнейшее значение слова и есть его смысл, носителем которого оно становится в контексте.

Эксплицитация может принимать самые различные формы в переводе. Степень референциальных расхождений между соотносимыми по смыслу эквивалентами может варьироваться от полного совпадения до полного несовпадения. При полном совпадении элементы ИЯ и ПЯ именуют один и тот же объект (хотя при этом их семантики могут различаться), при несовпадении они именуют разные объекты. Промежуточная степень – частичное совпадение/несовпадение референций. Рассмотрим примеры:

(англ.): *The security Council last week (1) authorized the sending of 5,500 soldiers to Rwanda, but the UN leader said (2) he had commitments for only 2,200.* Перевод: *На прошлой неделе Совет безопасности (1) санкционировал отправку 5500 солдат в Руанду, однако Генеральный секретарь ООН заявил, что (2) исходя из поступивших предложений он может отправить лишь 2200 чел.*

Соотносительные элементы ИТ и ПТ отмечены цифрами. Первый элемент (1) *authorized* заменяется близким по семантике (1) *санкционировал*. Здесь мы видим полное совпадение референций соотносимых элементов ИТ и ПТ, обеспечивающих смысловое тождество номинаций. Возможно использование других синонимичных по смыслу глаголов: *разрешил, одобрил, утвердил* и т.д. (т.е. изменение семантики при сохранении той же референции). Интерпретационное развитие здесь минимально.

Со вторым эквивалентом дело обстоит сложнее. Здесь требуется смена референции. *Commitments* буквально означает *обязательства*. Буквальный перевод звучит неудовлетворительно: *...заявил, что у него есть обязательства на 2200 чел.** *Commitments* – ёмкое по смыслу слово с широкой ситуационной импликацией. В английском слове имплицитруется субъект обязательства (т.е. тот, кто это обязательство будет исполнять). Русское слово *обязательство* не обладает столь широкой импликацией. Требуется интерпретационная компенсация, чтобы понять о каком субъекте идёт речь. Подробный перевод мог бы звучать следующим образом: *на основе тех обязательств, которые взяли на себя страны, готовые предоставить войска...* Переводчик идёт более коротким путём, заменяя *commitments* на *предложения*. Происходит смена референции, именуются разные вещи. Впрочем, между этими вещами существует логическая ситуационная связь: речь идёт о *добровольных* обязательствах, т.е. страны *предлагают* свою помощь. Второе логически выводится из первого. Применяемая замена не нарушает ситуационных смысловых ожиданий.

Референция – не всегда простая и однозначная операция. За словом иногда бывает трудно с точностью распознать очертания именуемой реальности. Именуемая в ИТ реальность может носить

комплексный, абстрактный, не вполне определённый характер. Задача интерпретации, т.е. вербализации смысла (его референциальной верификации в семантике эквивалента) усложняется. В любом случае переводчик стремится более концентрированно, направленно раскрыть смысловую функцию выражения.

(англ.): *Mr. A. Leopold's principal and extraordinary contribution to our world was to articulate the (1) idea of a land ethic. The human relation to (1) land, he wrote, "is still strictly economic, entailing (2) privileges but not (3) obligations".* **Перевод:** *Основной научной заслугой А. Леопольда следует считать впервые сформулированную им мысль об (1) этических принципах отношения человека к природе. Отношение человека к (1) природе, писал американский эколог, "все ещё определяется узким экономическим интересом, в основе которого лежит (2) принцип потребления, а не (3) принцип ответственности".*

В этом примере мы видим большое количество переводческих интерпретаций в силу образного характера ряда обозначений в английском тексте. Слово *land* (дословно: земля, участок земли) переводится как *природа* и, соответственно, *land ethic* – как *этические принципы отношения к природе*. Сейчас *land ethic* больше принято переводить как *этика земли*. Думается, впрочем, что А. Леопольд шире понимал значение вводимого им термина. Трудность представляет перевод терминов (2) *privileges* и (3) *obligations*. Дословный перевод вряд ли будет понятен: *привилегии, а не обязательства** (вряд ли правильно будет говорить о привилегиях или обязательствах по отношению к земле, к природе). Переводчик идёт по пути смыслового обобщения, расширяя область референции эквивалентов, трактуя *privileges* как *потребление*, а *obligations* – как *ответственность*. Выбираемые русские эквиваленты гораздо ближе к смыслу того этического противопоставления, которое хотел представить автор.

(порт.): (1) *O médio argentino terá recusado fazer um teste de álcool na manhã de segunda-feira, ... depois de ter sido mandado parar pela polícia...* (2) *O Las Palmas já reagiu (3) às notícias, em comunicado divulgado no site oficial...* **Перевод:** *Утром в понедельник (1) аргентинец, играющий полузащитником в (испанском клубе), когда его машину остановила полиция..., отказался проходить тест на алкоголь...* (2) *Руководство клуба Лас Пальмас уже прореагировало на (3) инцидент, опубликовав информацию на официальном сайте клуба...*

Элемент (1) *o médio argentino* буквально означает *аргентинский полузащитник**. При поверхностном понимании можно подумать, что этот человек – игрок аргентинской команды. Однако при более глубоком рассмотрении с учётом ситуационных связей и отношений становится ясно, что этот человек играет полузащитником

не в Аргентине, а в испанском клубе. Прилагательное *argentino* здесь указывает лишь на то, что он — выходец из Аргентины. Смысловая функция элемента *argentino* поддерживается дальнейшим контекстным развитием данного сюжета, где он получает косвенную интерпретационную поддержку через элемент *o Las Palmas* (клуб Лас Пальмас). В переводе элемент *argentino* требует интерпретационного расширения, чтобы повторить во всех деталях по смыслу ту же референцию с учётом ситуационных импликаций. Похожая ситуация возникает и с переводом элемента (2) *O Las Palmas*. Понятно, что это не город Лас Пальмас, это — одноименный футбольный клуб. При этом, семантика элемента в переводе требует интерпретационного развития: не клуб в целом, а *руководство* клуба отвечает за футболиста. Таким образом, область референции переводного эквивалента уточняется: ситуационная импликация получает вербальное обозначение. При переводе третьего элемента происходит смена референта: (3) *àsnoticias* (буквально: *новость, сообщение, информация* и т.д.) заменяется эквивалентом (3) *инцидент*. Переводчик осуществляет такую замену, потому что в русском языке любая ответная реакция обычно направлена на содержательную сторону сообщения, а не на само сообщение. Именно содержательная сторона рассматривается как факт. Факт самого сообщения во внимание не принимается. В принципе можно перевести и по-другому, напр.: *руководство клуба прореагировало на сообщение об инциденте*. Но переводчик «сокращает дистанцию», убирая избыточный элемент: *сообщение* (*noticias*), как часть описываемой ситуации, уходит в импликацию (понятно, что руководству клуба кто-то *сообщил* об инциденте). В этом случае интересно то, что эксплицитация при полной смене референта сопровождается имплицитацией, т.е. уходом ранее явно обозначенного элемента ситуации в импликацию.

Итак, мы увидели, как работает смысл в переводе. Он ищет «точку опоры» и находит её в предмете осмысления, в референции (собственно, ни в чем другим он и не может её найти). Таким путём смысл связывает себя с реальностью и сам становится реальностью в знаке, обретая предметный носитель. Любая предметная опора для смысла является относительной, т.е. потенциально заменимой, вариативной. Главное при подборе эквивалента — сохранить принципиальные параметры смысловой перспективы понимания, т.е. смысловые условия дальнейшего содержательного развития в контексте.

Важно отметить также, что переводческая интерпретация (развивающаяся от смысла к референции) становится органичной внутренней составляющей всякого приёма перевода и, прежде всего, переводческой трансформации. Всякая трансформация в переводе

опирается на функцию интерпретации. Интерпретация — необходимое условие трансформации. Трансформация же не является необходимой частью интерпретации. Собственно, это и есть вывод, к которому мы приходим в своих рассуждениях об интерпретационной природе перевода вслед за У. Эко и Э.Н. Мишкуровым. При любых условиях не референция, а смысл оказывается основой тождества в переводе.

V. Коммуникативные основания перевода

Занимаясь лингвистикой или культурой перевода, нельзя забывать о том деятельностном пространстве, в котором осуществляется перевод. В деятельностном рассмотрении нам открывается *коммуникативная реальность перевода*. Коммуникация — высшее предназначение перевода и важнейший аспект его природы.

Коммуникативная функция дифференцирует смысловую сторону выражения по критерию целенаправленности. Коммуникация, как целенаправленный фактор выражения, противостоит языковой семантике, а также стилю и культурной окраске, как нецеленаправленным факторам. Если последние являются факторами всевозможных расхождений в переводе между ИЯ и ПЯ, то коммуникация — это необходимое условие и важнейший критерий достижения содержательного тождества. По В.Н. Комиссарову, цель коммуникации стоит на первом месте, определяя как дискурсивную, так и номинативную стратегию перевода, подчиняя всё в ПТ решению общей смысловой задачи. Идея принципиального подчинения перевода смыслу подробно обосновывается В.Н. Комиссаровым и иллюстрируется на примерах [см.: Комиссаров: 1973: 152–156].

Коммуникативная функция, коммуникативное предназначение определяет порядок осмысления обозначаемой реальности в знаке, в тексте, становится критерием такого осмысления. Смысловая конфигурация высказывания выстраивается в соответствии с его коммуникативной направленностью: все внутренние смыслы суть функция внешнего коммуникативного предназначения высказывания. Интенция — источник и организующее начало смысла в высказывании. «Смысл конституируется в intersubъективном употреблении естественного языка» [Павиленис 1983: 26].

Цель коммуникации, как центральный смысловой фактор, становится основанием *интерпретации* и решающим критерием эквивалентного приравнивания в переводе — как на уровне отдельных элементов (предметных обозначений), так и на уровне целостных структур. Любые расхождения между ИЯ и ПЯ — в семантике, в грамматической структуре выражения, в окраске — уравниваются,

нейтрализуются относительно этого критерия. В динамике речевого выражения цель коммуникации ближайшим образом раскрывается через предикативную функцию высказывания (функцию ремы), выражающую его интенциональную направленность. Отдельные смыслы производны от общей смысловой задачи высказывания и логически подчинены ей.

Коммуникативное предназначение — относительная смысловая вершина, своеобразный водораздел между референцией и высшими смысловыми окрасками культурно-символического уровня. Важно видеть два аспекта работы обусловленного коммуникативной интенцией прагматического смыслового фактора в переводе: первый — относительно предметной семантики и грамматики языковых обозначений (т.е. в аспекте собственно языковой формы выражения), второй — относительно культурной окраски и возможной образной функции языковых обозначений. В первом аспекте мы говорим о компенсирующей, объединяющей функции смысла: смысл связывает соотносимые способы обозначения ИЯ и ПЯ, становится основой эквивалентного приравнивания отличающихся друг от друга семантически и референциально элементов в переводе. Во втором аспекте мы говорим о дифференцирующей и редуцирующей функции смысла, — когда переводчик отсекает ту культурно-смысловую, стилистическую или образную окраску, которая сопровождает исходное высказывание, но по причинам нормативного порядка не может быть воспроизведена средствами ПЯ, т.е. избавляется от непереводаемого в переводе. При этом и в том, и в другом случае смысл ведёт себя как интерпретатор.

В связи с отмеченным выше двойственным разделением роли коммуникативной прагматики в переводе по-новому встаёт проблема переводимости: положительно, как необходимость по отношению к референции и, напротив, отрицательно, как случайность по отношению к высшим иррациональным (стилистическим, социокультурным и образным) окраскам. Смысловая достаточность в одном аспекте оборачивается смысловой недостаточностью в другом.

В аспекте референциальной фактуализации знака в переводе ПТ подчинён ИТ, в аспекте смысловой фактуализации ИТ подчиняется ПТ. В одном случае переводом управляет ИТ (который доминирует в аспекте функции обозначения), в другом — ПТ (который доминирует в аспекте интерпретации). Направленность языковой адаптации носит двойственный характер. В одном случае она развивается в сторону ИЯ, который служит критерием верификации предметной стороны перевода (мы должны обозначить в переводе то, что обозначено в ИТ), в другом — в сторону ПЯ, который становится критерием смысловой верификации текста (интерпретация в аспекте

ПТ более точно, ближе раскрывает смысл). Перевод референциально подчинён исходному языку и исходному тексту, интерпретационно он подчинён переводному языку и переводному тексту.

Как бы то ни было, коммуникативная прагматика занимает центральное место и становится своеобразным фильтром содержательного сопряжения смысла и референции. В контекстных условиях функция коммуникативной прагматики проявляет себя в виде *смысловой границы понимания* единицы или элемента речи в тексте. В переводе смысловую границу понимания отчётливее всего выявляют референциальные различия соотносимых по смыслу эквивалентов ПЯ и ИЯ: разные семантики эквивалентов с разных сторон показывают один и тот же смысл.

Рассмотрим примеры прагматической смысловой интерпретации компенсирующего и редуцирующего типа.

(англ.) *Nearly everything about Bethlehem these days...* (1) *suggests* (2) *the urgency of the looming* (3) *millennial deadline*. Перевод: *Почти всё в Вифлееме в эти дни...* (1) *напоминает о* (2) *приближающемся* (3) *начале нового тысячелетия*. Соотносительные элементы ПТ и ИТ отмечены цифрами. Элемент *suggests* (букв.: *подсказывает, наводит на мысль*) переводится через ближайшее по своим семантическим характеристикам значение: *напоминает*. Можно подобрать и другие синонимы: *указывает на, говорит о*. Здесь не возникает интерпретационного конфликта между смыслом и референцией (т.е. не возникает ситуации, когда референция требует одной семантики, а смысл – другой).

Элементы *urgency* и *looming* в ИТ обладают образной функцией. *Urgency* содержит сему *неизбежности, неминуемости*. *Looming* означает нечто появляющееся из тени, из мрака, нарастающее издали. Функцию этих элементов в ПТ передаёт элемент *приближающемся*. Этот эквивалент отсекает присущую элементам *urgency* и *looming* образную окраску, упрощая понимание. Предметное осмысление в переводе доминирует над символическими образными смысловыми окрасками. Смысл переводного эквивалента (*приближающемся*), с одной стороны, синтезирует семантику этих двух обозначений, с другой, он же игнорирует их потенциальную образную функцию. Рациональная (прагматическая) сторона смысла доминирует над его иррациональной (образной) стороной.

Сложность представляет перевод элемента *millennial deadline*. В данном контексте этот элемент также несёт определённую образность. *Deadline* – слово со сложной семантикой, не имеющее буквального аналога в русском языке. *Deadline* означает истечение какого-то срока, невозможность продолжения чего-то сверх каких-то лимитов. Прямой семантический перевод с попыткой буквально сохра-

нить ту же референцию не подходит, потому что не даёт точного понимания происходящего: *тысячелетний рубеж**, *срок тысячелетия**. Требуется изменение референции с опорой на смысловую функцию. *Millennial deadline*, скорее, означает конец тысячелетия. Однако за одним тысячелетием наступает другое, одно логически вытекает из другого. Переводчик идёт по более «оптимистичному» варианту перевода, выбирая в качестве эквивалента: *начало тысячелетия*. В целом, в данном примере, скажем, переводчику важнее идентифицировать реальность, чем образно охарактеризовать её.

(англ.): *My point here is that, in matters of the heart, males have the brains of a walnut*. Перевод: *Что я хочу сказать, так это то, что в вопросах личных сердечных отношений ума у мужчины не больше, чем у кролика* (варианты: *у маленького глупого ёжика, у морской свинки, у пони, у дрессированной обезьянки и т.п.*). В этом примере сложность представляет выбор образного эквивалента для перевода английской метафоры *walnut*. Буквальный перевод вряд ли возможен: сравнение мозга с величиной грецкого ореха в русском не создаёт той же уничижительной окраски, которая дана в английском (ср.: *объем мозга у мужчины не превышает величины грецкого ореха*, мозг мужчины уменьшается до величины грецкого ореха**). Очевидно, что требуется замена образа на какой-то другой, обладающий аналогичной окраской, вызывающий похожие ассоциации. Обращает на себя внимание относительная свобода переводчика в выборе образного эквивалента, что показывают стоящие рядом в скобках варианты перевода. Переводчик совершенно не обязан опираться на то же значение и, значит, на тот же семантический нарратив, которые стоят за английским словом *walnut*. У русских словесных образов – своя семантика и свои ассоциативные нарративы. Объединяющим эквивалентным критерием для всех этих образов является не их структура, а их подчинение общей коммуникативной функции – выражению уничижительной оценки по условиям контекстного развёртывания высказывания. Здесь мы также видим: иррациональная сторона смысла подчиняется его рациональной стороне.

С точки зрения решаемой коммуникативной задачи высказывания можно говорить о факультативности образа: переводчик не имеет столь же строгих обязательств по отношению к образу, какие он имеет по отношению к референциальной стороне обозначения. Образ – несобственное, неподлинное наименование. Он всегда «дублёр» собственного имени объекта. Его задача – как можно ярче вскрыть отношение говорящего к обозначаемому объекту, отразить субъективный порядок осмысления предметного означаемого. Образ – усилитель функции коммуникативного воздействия,

но не «главное действующее лицо». Он не может быть самоцелью выражения. Не имея опоры на рациональной компонент, представляющий собой неразрывную связку референциальной идентификации объекта и его коммуникативно-прагматического осмысления, образ умирает. Задача переводчика – либо отбросить образ как таковой и назвать объект его прямым именем, либо, по возможности, воспроизвести ту же силу образа через его непрямой аналог, отличающийся от оригинального образа по семантике, по нарративным и культурным ассоциациям, но в той же мере раскрывающий смысловую функцию воздействия. Прямым референциальным аналогом образа в приведённом выше примере может быть выражение: *...в вопросах личных сердечных отношений мужчины не отличаются большим умом*. Рассмотрим похожие примеры.

(порт.): *Lula evocou em grande parte do discurso a própria origem humilde para se diferenciar do actual governo... Só eu comecei a fazer aquilo porque de todos que passaram pela presidência da República, só eu (1) carreguei um pote na cabeça. Só eu, com sete anos de idade, sei o que é (2) pegar a água e (3) separar caramujo*. **Перевод:** *В значительной части выступления Лула говорил о своём пролетарском происхождении, противопоставляя себя тем самым членам нынешнего кабинета. ...Из всех, кто становился президентом страны, только я начал делать это (социальные реформы. – Н.И.), потому что только я с семи лет знаю, что такое (1) тяжёлый физический труд, только я знаю, что значит (2) таскать воду и (3) перебирать улов в порту.*

В этом примере автор использует образные разговорные выражения, которые, кроме всего прочего, вызывают характерные культурные ассоциации: (1) *carregar um pote na cabeça* (досл.: *носить горшок на голове*) (2), *pegar a água* (досл.: *таскать воду*), (3) *separar caramujo* (досл.: *перебирать ракушки*). Это – устойчивые обороты, используемые в речи бедных людей, зарабатывающих на жизнь физическим трудом. Само употребление этих выражений привносит соответствующую стилистическую окраску в речь говорящего, характеризует его как представителя простого народа. Понятно, что буквальное воспроизведение этих образов в переводе на русский язык непродуктивно: в России никогда не практиковался способ переноса тяжестей на голове, вид ракушек *caramujo*⁷ также ничего означает для носителя русского языка. Переводчик обращается к коммуникативной прагматической функции этих элементов, которая мотивирует их употребление в данном контексте. Переводчик, подыскивая подходящий эквивалент, ориентирован непосредственно на прагматику выражения, игнорируя его образное усиление.

⁷ Этот вид моллюска по-русски обозначается как *береговичок, литорина*.

Поэтому *carregar um pote na cabeça* превращается в *тяжёлый физический труд*. Метонимическая функция выражений *pegar a água* и *separar caramujo* в основном сохраняется, эти выражения переводятся, соответственно, как: *тащить воду* и *перебирать улов в порту* (предполагается, что русскоязычный адресат перевода поймёт, что это – виды тяжёлого физического труда). Это – тот смысловой минимум, которого переводчик может достичь в переводе. Собственная семантика образов не раскрывается. Образы либо редуцируются, либо преобразуются.

Образ (образная смысловая надстройка) – наиболее уязвимое место в переводе, если иметь в виду радикальность тех решений, которые может принять переводчик для эквивалентного воспроизведения образа в ПТ: от радикального изменения семантики образа (т.е. подмены одного образа другим) до полного игнорирования этой семантики. Однако каким бы ни было решение переводчика, оно подчиняется одному принципу: рациональному порядку прагматического осмысления предметного означаемого (производимой в знаке референции). Прагматика речи неразрывно связана с коммуникацией, мотивирована коммуникативной направленностью выражения.

В переводе прагматика подчиняет себе референцию (в порядке смыслового приравнивания различных референтов). Она же управляет образной функцией выражения. Переводчик ориентирован на цель речевого сообщения, которая управляет порядком осмысления предметного означаемого и становится критерием точности перевода.

VI. Перевод в динамике комплексного рассмотрения

Итак, выше были рассмотрены пять аспектов природы перевода: структурно-языковой, культурный, семиотический, смысловой и коммуникативный. Мы стремились по возможности представить каждый из них отдельно, независимо от других, но вряд ли нам это в полной мере удалось, ввиду того что все они глубоко и органично взаимосвязаны, переходят друг в друга. Перевод – комплексное явление, и его полноценное изучение и обоснование возможны не иначе как с учётом всех аспектов его природы. Обособление каждого из аспектов может быть лишь относительным.

Важно понимать динамику взаимного сопряжения между всеми этими аспектами. Все они по-разному работают в переводе. Какие-то из них разрывают перевод, делают его невозможным, доводя до максимума принцип взаимного несогласия между языками. Какие-то, наоборот, работают на сближение двух языков в переводе, стано-

вятся основой их согласия. К первым относятся структурные и культурные факторы ИЯ и ПЯ: в переходе от структурных к культурным факторам расширяется и углубляется область межъязыкового несогласия в переводе. Ко вторым относятся факторы общесмыслового и коммуникативно-смыслового сопряжения в переводе. К общесмысловым мы относим всю совокупность смыслов, открывающихся в процессе осмысления предметного означаемого в высказывании, в тексте, — логические смыслы, эмоцию, оценку, стиль, социокультурные окраски, образные ассоциации, — не дифференцируя их по их статусу, по их функции в содержании знака. Смысл здесь берётся как некий единый комплекс понимания и интерпретации. В переходе от общесмыслового уровня понимания к коммуникативно-смысловому происходит концентрация понимания на основе его внутренней смысловой дифференциации. Центральным фактором понимания и интерпретации оказываются коммуникативно-прагматические смыслы (логика, эмоция, оценка), которые являются решающим критерием достижения содержательного тождества в переводе, критерием эквивалентного приравнивания различных форм ИЯ и ПЯ. Структурная и культурная специфика ИЯ и ПЯ ослабляет, в то время как смысловые факторы (в процессе их концентрации при переходе от социокультурных окрасок к смысловой прагматике) усиливают эквивалентное тождество в переводе. Связь двух групп факторов следует понимать, как процесс, борьбу, где неизменно победу одерживают интеграционные факторы перевода.

VII. Диалектика перевода: философские и лингвистические корреляции

Эквивалентное приравнивание различных форм ИЯ и ПЯ в переводе — это семиотический феномен, в котором присутствуют все признаки речевого семиозиса. В этом приравнивании мы, прежде всего, обращаем внимание не на языковое, а на речевое качество знака, в котором ведущую роль играет смысловая феноменология, т.е. не «врождённые», а «благоприобретённые» качества знака. Перевод осуществляется от речевого знака к речевому, от вершины к вершине речевого семиозиса.

В переводе, как семиотическом феномене, работают две пары диалектических категорий: тождества и различия, покоя и движения (изменения)⁸. Характер взаимосвязи этих категорий в переводе отличается от характера их взаимосвязи в языке.

⁸ Эти две пары категорий, как необходимые аспекты, составляющие философскую методологию комплексного диалектического рассмотрения объекта, мы выделяем вслед за А.Ф. Лосевым [см.: Лосев, 1990].

Как и во всяком объекте комплексного рассмотрения, в переводе, прежде всего, следует выделять оппозицию тождеств и различий, соотносительную с той, которая лежит в основе научного изучения языка. В рамках данной оппозиции перевод диаметрально противостоит языку. В языке основу тождества составляют структурные параметры знака, различия раскрываются в аспекте смысловых и контекстуальных акциденций знака в речи. В переводе основу тождества составляет смысловая и контекстуальная феноменология знака в речи, в то время как различия выделяются в аспекте структурно-языковых несоответствий ИЯ и ПЯ. Переводчик отталкивается от смысловой стороны выражения и ищет приемлемый вариант её структурного предъявления в ПТ средствами ПЯ. Теория перевода и лингвистика ориентируются на разные объекты. Объектом лингвистического рассмотрения является знак метафизический (языковой). Объектом теории перевода служит знак феноменологический (речевой).

Вслед за первой оппозицией в комплексном научном подходе к переводу выделяется вторая — оппозиция покоя и движения (устойчивого и изменчивого). Здесь знак рассматривается в динамике его становления в речи — в процессе семиозиса. Соотносительными вершинами семиозиса являются референция и смысл. Связь двух вершин характеризует связь двух функций речевого знака: функции обозначения и функции осмысления, которые не могут быть друг без друга: мы не можем обозначать, не осмысливая, и не можем осмысливать, не обозначая. Каждая из функций — необходимая альтернатива другой, противоположной. Две функциональные стороны речевого знака — смысл и референция — не могут пребывать вместе в одном и том же состоянии: в состоянии покоя или в состоянии изменения. Если одна сторона мыслится как покоящаяся, то другая мыслится как изменяющаяся.

Семиозис языкового знака в обычных условиях его употребления развивается от референции к смыслу. Референция мыслится как нечто первичное и устойчивое, смысл — как нечто вторичное, как подвижная, развивающаяся сторона знака: смысл интерпретирует референцию. Семиозис перевода, наоборот, развивается от смысла к референции (в порядке перехода от ИЯ к ПЯ). Смысл берётся как устойчивая, относительно неизменная сторона знака, референция — как акцидентальная сторона. Референция интерпретирует смысл. Переводчик меняет референцию, меняет порядок обозначения реальности, сохраняя смысл — заданный в знаке порядок осмысления предметного означаемого.

Теория перевода всё больше переходит от статического сопоставительного к динамическому интерпретационному рассмотрению

своего объекта в процессе его смыслового развития, коммуникативного становления. Основу такого рассмотрения должна составлять семиотика речевого знака во взаимосвязи двух его функций – референции и смысла, двух вершин речевого семиозиса.

В переводе возможны любые обусловленные межъязыковыми расхождениями несовпадения – в аспекте референции, в аспекте социокультурных окрасок и образных ассоциаций. Неизменным должен оставаться порядок осмысления предметного означаемого.

Список литературы

- Бреус Е.В.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский: Учебное пособие. М.: изд. УРАО, 1998. 208 с.
- Breus, E.V.* Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliyskiy: Uchebnoye posobiye [Theoretical and Practical Basics of Translation from Russian into English. Teaching Book]. Moscow: izd. URAO, 1998. 208 p. (in Russian).
- Виноградов В.С.* Перевод: Общие и лексические вопросы: Учебное пособие. 3-е изд. М.: КДУ, 2006. 240 с.
- Vinogradov, V.S.* Perevod: Obshnye i leksicheskiye voprosy: Uchebnoye posobiye [Translation: General and Lexical Aspects: Teaching Book]. 3rd ed. Moscow: KDU, 2006. 240 p. (in Russian).
- Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
- Gadamer, H.-G.* Istina i Method: Osnovy filosofskoy germeneytiki [Truth and Method: Fundamentals of Philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988. 704 p. (in Russian).
- Гарбовский Н.К.* Теория перевода: Учебник. 2-е изд. / Н.К. Гарбовский. М.: Издательство. МГУ, 2007. 544 с.
- Garbovskiy, N.K.* Teoriya perevoda: Uchebnik [Theory of Translation: Manual]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2007. 544 p. (in Russian).
- Иванов Н.В.* Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. № 4. 2015. С. 34–64.
- Ivanov, N.V.* Dichotomiyi perevoda (k onthologicheskim osnovaniyam opredeleniya nauchnogo ob'ekta perevodovedeniya) [Dichotomies in Translation: Ontological Definition of Scientific Object in Translation Studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No 4, 2015. Pp. 34–64 (in Russian).
- Иванов Н.В.* Антиномии интерпретации: начала анализа // Язык как системная реальность в социокультурном и коммуникативном измерениях: Материалы VIII Международной научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (Москва 27 июня 2014 г.). М.: ИД «Международные отношения», 2014. С. 110–135.
- Ivanov, N.V.* Antinomiya interpretatsii: nachala analiza. Yazyk kak sistemnaya realnost' v sotsiokulturnom i kommunikativnom izmereniyah [Antinomies of

- Interpretation: Principles of Analysis. Language as a Systemic Reality in its Socio-cultural and Communicative Dimensions]. *Materialy VIII Mejdunarodnoy nauchnoy konferentsii po aktualnym problemam yazyka I kommunikatsii* (Moskva, 27.2014). Moscow: ID “Mejdunarodnye otnosheniya”, 2014. Pp. 110–135 (in Russian).
- Иовенко В.А.* Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография. М.: МГИМО-университет, 2013. 219 с.
- Iovenko, V.A.* Natsional’no-kulturnoye mirovideniye v perevodcheskom izmeneniyi: monografiya [National-cultural Mundiision in Translational Dimension: Monograph]. Moscow: MGIMO-universitet, 2013. 219 p. (in Russian).
- Комиссаров В.Н.* Слово о переводе (очерк лингвистического учения о переводе). М.: Изд. «Международные отношения», 1973. 215 с.
- Komissarov, V.N.* Slovo o perevode (ocherk lingvisticheskogo ucheniya o perevode) [A Word on Translation (an Essay of a Linguistic Study of Translation)]. Moscow: izd. “Mejdunarodniye otnosheniya”, 1973. 215 p. (in Russian).
- Лосев А.Ф.* Философия имени. М.: Изд. Московского университета, 1990. 280 с.
- Losev, A.F.* Filosofiya imeni [Philosophy of Noun]. Moscow: izd. Moskovskogo universiteta, 1990. 280 p. (in Russian).
- Мишкuroв Э.Н.* О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2013. № 1. С. 69–91.
- Mishkurov, E.N.* O “germenevticheskom povorote” v sovremennoy teorii metodologii perevoda (tchast’ I) [Hermeneutical Turnin Contemporary Theoryand Methology of Translation (Part II)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda.* No 2, 2013. Pp. 69–91 (in Russian).
- Нелюбин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 320 с.
- Neliubin, L.L.* Tolkoviy perevodovedcheskiy slovar’ [Explanatory Dictionary of Terms of Translation]. 6th ed. Moscow: Flinta: Nauka, 2009. 320 p. (in Russian).
- Павлѐнис Р.И.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983, 286 с.
- Pavilyonis, R.I.* Problema smysla: sovremenniy logiko-filosofskiy analis yazika [Problem of Sense: Modern Logical-Philosophical Analysis of Language]. Moscow: Mysl’, 1982. 286 p. (in Russian).
- Полубоярова М.В.* Структурные уровни эквивалентности в специальном переводе (на материале англо-русского публицистического перевода) / М.В. Полубоярова. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 179 с.
- Poluboyarova, M.V.* Strukturniye evrovi ekvivalentnosti v spetsial’nom perevode (na materiale anglo-russkogo publitsisticheskogo perevoda) [Structural levels of Equivalence in Special Translation (based on examples of English-Russian translation of newspaper articles)]. Candidate’s thesis philologicheskikh nauk. Moscow, 2009, 179 p. (in Russian).
- Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. I, II. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1958. 536 с.
- Potebnya, A.A.* Iz zapisok po russkoy grammatike [Scientific Proceedings on Russian Grammar]. Т. I, II. Moscow: Gos. uch.-ped. izdatel’stvo Ministerstva prosvesheniya RSFSR, 1958. 536 p. (in Russian).

- Сидоров Е.В.* Порядок текста. М.: изд. РГСУ, 2011. 208 с.
- Sidorov, E.V.* Poryadok teksta [Order of Text]. Moscow: izd. RGSU, 2011. 208 p. (in Russian).
- Эко У.* Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Symposium, 2006. 574 с.
- Eco, U.* Skazat' pochti to je samoye. Opyty o perevode [Saying almost the Same. An Essay on Translation]. Saint-Petersburg: Symposium, 2006. 574 p. (in Russian).
- Vinay, J.-P., Darbelnet, J.* Comparative Stylistics of French and English, trans. and ed. by Juan C. Sager and M.-J. Hamel. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 1995. 342 p.